

«ПОДРАЖАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ» И ЕГО ИСТОЧНИКИ

В последний год жизни Пушкин написал сравнительно немного стихотворений. Большинство из них было закончено летом 1836 года на Каменном острове. Среди них — «(Подражание итальянскому)» (22 июня), «Мирская власть» (5 июля), «(Из Пиндемонти)» (5 июля), «Отцы пустынноики и жены непорочны» (22 июля), «Когда за городом, задумчив, я брожу», (14 августа) и «Памятник» (21 августа). В конце июля Пушкин выбрал четыре стихотворения и пометил их римскими цифрами. Он собирался напечатать их как лирический цикл в журнале «Современник». Пушкинская нумерация указывает, что весь цикл должен был состоять из шести стихотворений:

- I неизвестно
- II «Отцы пустынноики и жены непорочны»
- III «(Подражание итальянскому)»
- IV «Мирская власть»
- V неизвестно
- VI «(Из Пиндемонти)»

Два места, предназначенных для недостающих стихотворений, свидетельствуют о том, что весь цикл принял в голове Пушкина конкретную, законченную форму. Следует заметить, что в июле, когда Пушкин пронумеровал этот цикл, два других стихотворения, «Когда за городом, задумчив, я брожу...» и «Памятник» не были еще написаны¹.

Эти четыре стихотворения объединяет ряд общих признаков. Ни одно из них не является подлинным пушкинским произведением; они полностью или частично основаны на чужом тексте нерусского происхождения. В стихотворении «Отцы пустынноики и жены непорочны...» Пушкин переложил почти дословно византийскую вели-

копостную молитву Ефрема Сирина. «Подражание итальянскому» — вольное переложение сонета итальянского импровизатора Франческо Джиганни «Sorga Iuda», который Пушкин воспроизвел по французскому переводу А. Дешана, «Supplique de Judas dans l'enfer». «Мирская власть» частично основана на тексте Евангелия, а стихотворение «Из Пиндемонти» — вольная импровизация на мотивы стихотворений итальянца Ипполито Пиндемонте («Le Opinioni Politiche»), а также на темы стихотворений Альфреда Мюссе. Все четыре стихотворения — лирические раздумия о соотношении властей, руководящих этим миром². Три смежных стихотворения, «Отцы пустынноики...», «(Подражание итальянскому)» и «Мирская власть», связаны еще более тесно. Они составляют триптих, объединенный темой Страстной недели: Стихотворение «Отцы пустынноики...» с молитвой Ефрема Сирина приходится на дни Великого поста, «(Подражание итальянскому)» приводит нас к Страстной неделе, к предательству Иуды и к его самоубийству (четверг и утро пятницы), а «Мирская власть» воспроизводит сцену распятия и смерти Христа (пятница пополудни). Цикл связан также формально: все стихотворения написаны александрийским стихом, с цезурой после третьей стопы, и чередующимися мужскими и женскими парными рифмами. Я остановлюсь на центральном стихотворении этого триптиха, или «внутренней литургии», как его удачно назвал В. Старк³.

ПОДРАЖАНИЕ ИТАЛЬЯНСКОМУ

- (1) Как с древа сорвался предатель ученик,
- (2) Дьявол прилетел, к лицу его приник,
- (3) Дхнул жизнь в его, взвился с своей добычей
смрадной.
- (4) И бросил труп живой в гортань геены гладной
- (5) Там бесы, радуясь и плеща, на рога
- (6) Прияли с хохотом всемирного врага
- (7) И шумно понесли к проклятому владыке,
- (8) И сатана, привстав, с веселием на лике
- (9) Лобзанием своим насквозь прожег уста,
- (10) В предательскую ночь лобзавшие Христа.

В 1855 году П. В. Анненков определил источник этого стихотворения как сонет об Иуде итальянского поэта-импровизатора Ф. Джанни (1760—1822) ⁴.

Francesco Gianni, «SOPRA IUDA»

Allor che Giuda di furor satollo
Piombò dal ramo, rapido si mosse
L'instigator suo Demone, e scontrollo
Battendo l'ali come fiamma rosse;

Pel nodo che al felon rettorse il collo
Giù nel bollor delle roventi fosse
Appena con le scabre ugne rotollo
Ch'arser le carni e sibillarón l'osse;

E in mezzo al vampa della gran bufera
Con diro ghigno Satana fu visto
Spiranar le rughe della fronte altera:

Poi fra le braccia si recò quel tristo,
E con la bocca fumigante e nera
Gli rese il bacio, ch'avea dato a Cristo.

(Когда Иуда, насытившись бешенством,
сорвался с сука,
его демон-искуситель подлетел к нему,
взмахивая крыльями, подобными алому пламени,

и за узел (удавки). сжимающей шею злодея,
низверг Иуду в жар раскаленных жерл.
Как только острые когти выпустили Иуду,
его мясо загорелось и зашипели кости.

И среди огромной огнедышащей бури
показался сатана, и жестокая усмешка
разгладила морщины на его гордом челе.

И заключив несчастного в свои объятия,
(он) дымящимися и черными устами
вернул (Иуде) поцелуй, данный им Христу.)

В 1930 г. Б. В. Томашевский убедительно показал, что Пушкин знал сонет Джанни по французскому переводу А. Дешана (1800—1869), к которому были приложены лишь четыре последних стиха итальянского оригинала ⁵.

Antoni Deschamps, «Sonnet de Gianni: Supplice de Judas dans l'enfer».

Lorsqu'ayant assouvi son atroce colère
Judas enfin tomba de l'arbre solitaire,
L'effroyable démon qui l'avait excité
Sur lui fondit alors avec rapidité
Le prenant aux cheveux, sur ses ailes de flamme,
Dans l'air il emporta le corps de cet infâme,
Et descendant au fond de l'éternel enfer
Le jeta tout tremblant à ses fourches de fer.
Les chairs d'Iscairiote avec fracas blutèrent
Sa moëlle rôtit et tous ses os sifflèrent.
Satan de ses deux bras entoura le damné,
Puis, en le regardant d'une face riante,
Serein, il lui rendit de sa bouche fumante
Le baiser que le traître au Christ avait donné.

(Когда Иуда, утолив свое отвратительное бешенство, наконец сорвался с одинокого дерева, страшный демон-искуситель немедленно бросился на него.

Схватив его за волосы, он на огненных крыльях поднял на воздух окаянный труп, и, опустившись на дно вечного ада, он, трепеща, насадил его на железный трезубец.

Мясо Искарюта с треском загорелось, костный мозг жарился и кости шипели. Тут сатана заключил проклятого в свои объятия и, взглянув на него с улыбкой на лице, спокойно, дымящимися устами вернул ему поцелуй, данный предателем Христу).

Б. В. Томашевский сравнил тексты Джанни и Дешана с пушкинским стихотворением. К пронизательным наблюдениям Томашевского я бы хотел добавить несколько собственных замечок. Во-первых, перерабатывая чужой источник на русский лад, Пушкин поступил классической формой сонета, заменив ее 10-строчным стихотворением. Это связано, по-моему, с пушкинским членением адской тематики на три: строки 1—4, 5—7, 8—10. У Джанни и Дешана адская власть была представлена лишь демоном и сатаной. Пушкин прибавил к ним третью силу, бесов, сотворив таким образом в своей мистерии некую «адскую троицу». Хотя все три силы являются проявлением одного принципа, между ними существует определенная иерархия, в соответствии с которой Пушкин распределяет их роли.

Нижнюю ступень занимают «бесы». В своем творче-

стве Пушкин был наиболее оригинален в описании этих существ. Это скорее домашние бесенята, нежели метафизические бесы. Как правило, они исполняют лакейскую службу у сатаны. Их вид, повадки и хохот вносят в пушкинское стихотворение момент гротеска, которого не было у Джанни и Дешана. Однако, несмотря на веселый нрав этих бесенят, нельзя забывать, что они причиняют боль: «Там бесы, радуясь и плеща, на рога/ Приняли с хохотом всемирного врага». Своим происхождением пушкинские бесы обязаны как русскому фольклору, так и европейской классике, Данте, Гете и Гофману⁶.

Более ответственные задания Пушкин препоручает дьяволу. Дьявол в этом стихотворении имеет мало общего с романтическим демоном-искусителем. Здесь это истинный, в теологическом смысле этого слова, дьявол. В отличие от Джанни и Дешана Пушкин счел излишним снабдить его такими материальными атрибутами, как когти, железный трезубец или огненные крылья. Самое интересное — пушкинский дьявол не причиняет физической боли, его роль духовного порядка: он, не менее не менее, как воскрешает Иуду. Поэтому и язык Пушкина в обращении с ним исполнен достоинства и архаично-затрудненный:

Диавол прилетел, к лицу его приник,
Джнул жизнь в его, взвился с своей добычей смрадной
И бросил труп живой в гортань геены гладной...

На верхушке адской иерархии восседает Сатана. Пушкин изобразил «проклятого владыку», приподнявшегося с престола, во всем величии его сатанинского могущества. Низменный хохот мелких бесов — это эхо высокого веселия, отразившегося на его лице.

В отличие от Джанни и Дешана, введение такой адской тройцы в стихотворение позволяет Пушкину изложить драматические события этой мистерии ступенчато, в три приема, причем всякий раз Пушкин усиливает истязание. В отличие от Джанни и Дешана, у которых Иуда оставался трупом во время испытаний, Пушкин воскресил Иуду. Затем он заменил «железный трезубец» (которого не было у Джанни) менее угрожающими и более привычными русскому воображению «рогами».

Пушкин также избавил Иуду от адского огня: вместо шипения мяса и костей в пушкинском аду раздается смех, которого не было ни у Джанни, ни у Дешана. Ослабив пиротехнические эффекты в первых двух эпизодах, Пушкин значительно повышает жар в последнем. У Джанни и Дешана сатана просто целует труп Иуды, пушкинский же сатана «лобзанием насквозь прожигает уста» своего вполне живого ученика. После всех истязаний, которым Иуду подвергли Джанни и Дешан, поцелуй сатаны в конце стихотворения походит более на избавление. У Пушкина же, как правило, берет верх здравый смысл и чувство меры, и если бы Пушкин последовал примеру своих предшественников, у такого обугленного Иуды не осталось бы губ для поцелуя⁷.

Далее всего Пушкин отошел от своих предшественников в дуализме идейного построения своего стихотворения. «(Подражание итальянскому)» построено полностью на приеме оксюморона, с помощью которого Пушкин драматизирует столкновение адской и божественной сил. Самоубийство Иуды, его воскресение, низвержение в преисподнюю повторяют в перевернутом виде таинство распятия, воскресения и вознесения Христа. Но сатана лишен истинного дара созидания. В демиургической гордыне он создает псевдо-божественную мистерию, облекая свой плагиат в атрибуты истинного творения. В этом смысле, Пушкин следует учению православной церкви об Антихристе, лже-Христе, который действует от имени Христа. (По этой же причине сатана у Мильтона цитирует Евангелие.) Возможно, что оксюморон божественного и сатанинского основан на предании, что сатана есть падший ангел, который возжаждал творения (Исайя 14: 11—15, Лука 10: 18, Откров. 12: 9). Но в сатанинском творении все вырождается в свою противоположность: поцелуй становится средством предательства, вознесение оборачивается низвержением, жизнь смертью, награда наказанием, любовь ненавистью.

Противостояние двух сил порождает глубинный смысловой парадокс, которым в стихотворении пронизано все, вплоть до мельчайших его элементов. Отдельные фразы, слова, даже морфемы одновременно принадлежат как бы двум мирам, сатанинскому и божественному. Такие словосочетания, как «предатель ученик»,

«труп живой»; «проклятый владыка», «лобзанием прожег» несут в себе свое собственное отрицание. Применение слов положительной окраски в извращенном контексте уничтожает их священное значение, создавая ощущение гротеска и кощунства. В предыдущем стихотворении «Отцы пустынники...» слово «Владыка» относилось к Богу: «Владыко дней моих!», в «(Подражании итальянскому)» оно применено к «проклятому владыке», сатане. Лицо сатаны называется ликом, т. е. словом, которым называют изображения на иконах. Слово «древо», относящееся к дереву, на котором повесился Иуда, будет применено в следующем стихотворении «Мирская власть» к святому кресту: «животворяще древо». (То же происходит и в противоположном направлении: Отрицательное слово «предатель, предательский» повторится в «Мирской власти» в положительном значении: «Христа, предавшего послушно плоть свою».) По тому же принципу неблагозвучное слово «дхнул» можно воспринять как сатанинское извращение священного значения таких слов, как «дух, душа, вдохнуть» и «вдохновение» (ср.: «И, признак Бога, вдохновенье» в «Разговоре книгопродавца с поэтом»). В пушкинском стихотворении о предательстве слова постоянно передают свое подлинное положительное значение. Этого, теологически глубоко осмысленного поэтического приема не было ни у Джанни, ни у Дешана.

Обратимся к форме пушкинского стихотворения. Было бы вполне естественно ожидать, что в произведении, озаглавленном «(Подражание итальянскому)», доминирующим элементом звуковой структуры будет эвфония. Пушкин любил батюшковские стилизации под итальянскую речь: «Любви И Очи, И ланиты» — «Звуки итальянские! Что за чудотворец этот Батюшков» (ПСС XII: 267). Однако, в пушкинском стихотворении только заглавие «(Подражание Итальянскому)» созвучно батюшковскому идеалу. В отличие от батюшковских зияний гласных, Пушкин нагромоздил в своем подражании итальянскому больше смежных согласных, чем где бы то ни было в своей поэзии. Результат — полная какофония: «КаК С ДЕРЕВА... ДИАВОЛ ПРИЛЕТЕЛ К ЛИЦУ ЕГО ПРИНК, ДХНУЛ ЖИЗНЬ В НЕГО, ВЗВИЛСЯ С СВОЕЙ ДОБЫЧЕЙ СМРАДНОЙ... БРОСИЛ ТРУП ЖИВОЙ В ГОРТАНЬ ГЕЕНЫ ГЛАДНОЙ ...С ХОХОТОМ ВСЕМИРНОГО ВРАГА... К ПРО-

клятому владыке... привстаВ С Веселием... лобзаниеМ
Своим наСКВоЗь ПРОжег уста... В ПРЕдательскую
ночь...» Самое неблагозвучное место стихотворения — это
строки 3—4, в которых дьявол «дхнул» жизнь в Иуду.
Оно состоит из семи групп тройных согласных и трой-
ной аллитерации. К тому же единственная метрическая
«погрешность» в стихотворении (спондей в 3-й строке)
падает как раз на звуковой ублюдок: «дхнул». Можно
сказать, что в «(Подражании итальянскому)» язык
Пушкина опустился в последний, 9-й круг, круг дантов-
ского ада, в «cerchi di Giuda» — «Quell'e» è 'l più
basso loco e 'l più oscuro, /e 'l piu lontan dal ciel che tut-
to gira» (Inferno 9: 27—29). Быть может, что в своем
«(Подражании итальянскому)» Пушкин воспроизвел
прием Данте, который прибегал к какофонии во многих
местах «Ада». Этот прием, который частично выдержан
у Джанни, полностью утрачен во французском переводе
Дешана. Это тем более поразительно, что сам Дешан
был переводчиком Данте. Таким образом, можно заклю-
чить, что пушкинское подражание ближе к итальян-
ской поэтической традиции, чем французский текст, по-
служивший подстрочником.

Наиболее ярко пушкинская изобретательность рас-
крывается в анаграмматическом звуковом плане. Здесь
Пушкин ушел еще дальше от своего подстрочника и под-
линника. В пушкинском стихотворении об аде ряд слов
отзывается именно этим именем: «смерАДной, глАДной,
рАДуясь, хохОТом, прокляТому влАДыке» и, конечно,
«сАТана». Включая заглавие, «ПОДражание итальян-
скому» содержит 8 анаграмм слова «ад». В таких сло-
вах, как «смерАДной, глАДной, прокляТому», мы на-
блюдаем семантический параллелизм между анаграм-
мой и словом, но в словах «рАДуясь» и «влАДыка»
анаграмма идет вразрез со значением слова, пороча его
своим присутствием⁸.

Раскрытие формальной и смысловой структуры сти-
хотворения о предательстве показало, как семантика
измени проникла в мельчайшие единицы текста. В бо-
лее отвлеченном плане стихотворение Пушкина — это
философское размышление о природе зла и о соотно-
шении власти сатаны и Бога. Христианская теология
отвергает манихейский дуализм. Сатана тоже Божие
создание, и, как таковое, обладает свободной волей, по-

рождающей зло. Сатана предал Бога и толкнул человека повторить этот грех. Лобзание, которым сатана награждает своего ученика, превращается в кару, и это, по-моему, происходит вопреки его воле. Роковым образом поцелуй сатаны осуществляет волю высшей власти. Разлад, который сатана попытался внести в божественный строй, оказался лишь временным. Раскрыв внутренний механизм сатанинской субверсии, стихотворение Пушкина утверждает первичность высшей власти: заключительное слово стихотворения об Иуде — «Христос». Отступничество завершилось теодицией.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Каменноостровский цикл обсуждали: Измайлов Н. В. Лирические циклы в поэзии Пушкина 30-х годов // Пушкин: Исследования и материалы. II. — М.; Л., 1958. — С. 7—48; Степанов Н. Л. Лирика Пушкина. — М., 1959. — С. 30—34; Алексеев М. П. Стихотворение Пушкина «Я памятник себе воздвиг...» — Л., 1967. — С. 122—127.

² Е. Г. Эткинд, редактор французского издания Пушкина, напечатал эти стихотворения под условным, но очень метким заглавием: «Les deux pouvoirs». Oeuvres poetiques II/1. Lausanne, L'age d'homme. 1983. — С. 230—232. примеч. с. 399 2-й части.

³ Старк В. П. Стихотворение «Отцы пустынники и жены непорочны» и цикл Пушкина 1836 г // Пушкин. Исследования и материалы. — X, 1982.

⁴ Материалы для биографии А. С. Пушкина. — СПб., 1855. — С. 312.

⁵ Томашевский Б. В. Мелочи о Пушкине. // Пушкин и его современники. XXXVIII—XXXIX, 1930. — С. 79—81.

⁶ Мы находим этих мелких бесов в ряду стихотворений, а также на пушкинских рисунках к «Сказке о попе и работнике его Балде». В «Набросках к замыслу о Фаусте» (1825) они готовят бал в честь «именин» сатаны. Наиболее резвыми представляет своих «бесов» Пушкин в отрывке «И дале мы пошли» (1832), написанном дантовскими терцинами. Данте тоже пользовался приемом шутилой разрядки перед трагической развязкой: в XXII песни «Ада» происходит драка между чертями. Ср. также смешного черта у Е. Т. А. Hoffmann, «Der dumme Teufel», Serapion Brüder.

⁷ Физическая боль лобзания, прожигающего уста Иуды, которой не было ни у Джанни, ни у Дешана, может быть, тоже навеяна Данте: в последней песни «Ада» сатана кровавой пастью обгладывает голову Иуды.

⁸ В «Евангелии» сказано, что сатана вложил в сердце Иуды предательство (Иоанн 13: 2, 27). Но поскольку нет зла без приятия, небезынтересно заметить, что перевертень слова «ад» это «да». Наиболее отчетливо эта анаграмма выражена в словах «ИУДА» и «преДАтель».

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РФ
ПСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОГО
ПУШКИНОВЕДЕНИЯ
Сборник статей

Псков 1994